

**М. Ю. Гасников**

*Науч. рук. – И. Б. Азарова, ст. преподаватель*

## **ИСПЫТАНИЕ И ВОЗМЕЗДИЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ МОТИВЫ СКАЗКИ А. С. ПУШКИНА «СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ»**

*В статье рассматривается сказка Александра Пушкина «Сказка о золотом петушке». Автор анализирует особенности переработки сюжета легенды Вашингтона Ирвинга и введение новых образов. Изучаются персонажи и их взаимоотношения друг с другом. Осмысливается финал и раскрывается философский подтекст произведения. Выявляется моральная проблематика сказки.*

В 1834 году Александр Сергеевич Пушкин создал свою последнюю сказку «Сказка о золотом петушке», которая выделяется поэтической зрелостью, таинственностью и глубокими философскими размышлениями о судьбе и нравственной ответственности.

Анна Ахматова первой указала на сюжетные параллели между пушкинской сказкой и легендой Вашингтона Ирвинга «Арабский звездочёт» [1]. Однако произведение Пушкина не является простым пересказом или адаптацией чужого сюжета. Поэт заимствует лишь поверхностную фабулу, радикально сокращает многословный текст Ирвинга и преобразует его в символически насыщенное произведение, с принципиально иным смыслом.

Дадон, подобно Абен Хабузу у Ирвинга, подвергается нападениям соседей и вынужден обратиться к мудрецу и Звездочёту. На этом уровне сюжетные параллели очевидны. Но далее выявляются два существенных различия.

Во-первых, у Ирвинга король и астролог связаны узами давней дружбы, что придаёт их взаимодействию оттенок доверительности и личной близости. У Пушкина же подобной связи нет: мудрец не имеет прежних отношений с царём. Это обстоятельство усиливает мотив случайности и непредсказуемости их договора, а также подчёркивает опасность неосмотрительных обещаний.

Во-вторых, и это особенно важно, Звездочёт у Пушкина представлен как скопец. В тексте Ирвинга астролог – восточный старец, но вовсе не евнух. В русской версии, напротив, появляется фигура

скопца, что вводит в повествование специфический культурно-религиозный контекст.

Скопцы представляли собой религиозную секту, получившую известность в конце 18 века. Они проповедовали практику «скопления». Суть данного обряда заключалась в удалении половых органов. По мысли проповедника, именно это являлось залогом достижения Царствия Небесного. В качестве аргумента использовалась евангельская формула: «В Царствии Небесном не женятся и не выходят замуж, но пребывают как ангелы» [3]. Сектанты именовали себя не ангелами, а «белыми голубями» [4], что символизировало чистоту и освобождение от земных страстей.

Таким образом, введение скопца в пушкинский текст приобретает особое значение. Оно не только усиливает религиозно-символический пласт сказки, но и задаёт новый уровень интерпретации: мудрец, лишённый телесных желаний, передаёт царю средство, способное превратить его жизнь в подобие земного рая. Этот факт представляется особенно любопытным, поскольку он демонстрирует парадоксальное соединение двух начал: духовного отказа от страсти и материального дара, обеспечивающего покой и безопасность.

Особенно заметно различие между пушкинским текстом и легендой Ирвинга в середине повествования. В легенде Ирвинга королю приводят принцессу, и старый правитель, изображённый как похотливый старик, немедленно влюбляется в неё. У Пушкина же развитие событий приобретает совершенно иной характер: перед появлением Шамаханской царицы происходит серия походов, завершающихся трагической гибелью сыновей Дадона.

У Ирвинга король бездетен и пребывает в статичном состоянии, тогда как Пушкина акцент сделал на династической линии: двое детей царя погибают «почём зря», и перед читателем разворачивается страшная сцена:

*Перед ним его два сына  
Без шоломов и без лат  
Оба мертвые лежат,  
Меч вонзивши друг во друга.  
Бродят кони их средь луга,  
По притоптанной траве,  
По кровавой мураве... [2].*

Эта трагическая картина вызывает вопрос: что заставило братьев убить друг друга? Вероятно, речь идёт о некой опасности или ловушке, однако Дадон не пытается осмыслить причины. Он оплакивает сыновей,

но вскоре его внимание переключается на иной объект. В этот момент в повествование входит Шамаханская царица.

Здесь автор подчёркивает её власть над сознанием царя:

*Как пред солнцем птица ночи,*

*Царь умолк, ей глядя в очи,*

*И забыл он перед ней*

*Смерть обоих сыновей [2].*

У Ирвинга также присутствует мотив чрезмерной увлечённости короля своими желаниями, но у Пушкина эта увлечённость трансформируется в абсолютную нравственную слепоту. Перед Дадонем лежат тела его детей, поле залито кровью, но он околдован и восхищён царицей. Он забывает, что он отец, забывает, что он царь, и полностью подчиняется её чарам.

Важно отметить, что подобная слепота проявляется у Дадона не впервые. Ранее он столь же безрассудно пообещал исполнить первую волю скопца. Этот договор имел характер угрозы государственной безопасности: скопец мог потребовать всё царство, и Дадон лишился бы власти. У Ирвинга отношения короля и астролога строятся на дружбе, тогда как у Пушкина – это соглашение с первым встречным [5]. Причина столь неосмотрительных обещаний одна и та же: Дадон оказывается мгновенно охвачен своими желаниями, и всё остальное исчезает.

Вопрос о происхождении Шамаханской царицы также заслуживает внимания. Само название «Шамаханское царство» вызывает ассоциации с восточной сказкой Ирвинга, однако подобного государства никогда не существовало. Зато существовала Шемаха – столица Ширванского царства, присоединённого к Российской империи в 1805 году [6]. В первой половине 19 века именно туда ссылали религиозных сектантов, например скопцов.

Таким образом, не только реакция Дадона сближает его с образом царицы, но и культурно-исторический контекст связывает её с фигурой скопца. В черновиках пушкинской сказки скопец даже именуется «Шамаханским» [7], что усиливает загадочность и символическую взаимосвязь этих персонажей.

Вопрос о финале произведения Пушкина традиционно формулируется следующим образом: за что именно наказан царь Дадон? На первый взгляд ответ очевиден – за нарушение данного обещания. Однако, как справедливо отмечает Валентин Непомнящий, трагедия Дадона не ограничивается моментом, когда его клюнул петух [5]. Несчастья начинаются значительно раньше: государство подвергается нападению соседей, сыновья погибают в братоубийственной схватке.

Особое внимание заслуживает второе появление скопца. Оно описано торжественно, в ореоле неземного сияния: мудрец предстает в сарацинской шапке, белый, «весь как лебедь поседелый» [2]. В то время как Дадон ранее сравнивался с «птицей ночи» [2], слепнущей днём. Скопец ассоциируется с белым лебедем – символом чистоты и духовного совершенства. Таким образом, противопоставление этих образов имеет не только художественное, но и философское значение.

Скопец, очевидно, не заинтересован в обладании Шамаханской царицей. Его требование – это не проявление страсти, а проверка способности царя сдержать слово. Причём он просит не «лучшее», не власть, не богатство, а именно то, что уже принесло зло и стало причиной падения Дадона. В этом заключается парадокс: мудрец требует «худшее», а царь готов отдать «полцарства», лишь бы сохранить объект страсти.

Когда скопец настаивает, Дадон убивает его и тут же обращает внимание на смеющуюся царицу. Его сознание полностью поглощено ею. Наказание Дадона в этой ситуации кажется заслуженным, однако возникает вопрос: в чём заключается общий смысл сказки? Ведь Пушкин прямо указывает: «сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок» [2].

Царь расплачивается не только за нарушение обещания, но и за пиршество с царицей рядом с телами собственных сыновей. Этот мотив перекликается с христианской традицией осуждения чрезмерного наслаждения в присутствии смерти [8]. Более того, поведение Дадона в финале является продолжением его жизненной линии: с молодости он был «грозен», наносил соседям обиды, жил в логике потребления и захвата. В пушкинской интерпретации Дадон становится символом абсолютного потребителя.

Начало сказки имеет реалистический характер: соседи мстят Дадону за прежние обиды, санкции симметричны и справедливы. Однако дальнейшее развитие сюжета переносит повествование в сферу философской аллегории. Вместо заслуженного наказания от соседей Дадон получает чудо. Это чудо обеспечивает безопасность, но требует одного-единственного поступка: исполнить чужую волю как свою собственную.

С учётом всей жизни Дадона это условие является большим даром. Все дурные поступки могли быть искуплены одним правильным решением. Драма со скопцом и Шамаханской царицей построена так, что царь, совершивший множество злодеяний, получает шанс обрести рай

на земле. Отказавшись от худшего – от женщины, ставшей причиной смерти его детей, – он мог бы сохранить мир и покой в государстве.

Таким образом, сказка представляет собой испытание. Дадону даны две вещи: чудо и соблазн. Цена чуда – отказ от соблазна. Причём отказ минимален: всего от одной женщины, которая уже принесла зло. Это невероятная удача, своего рода встречное движение мира навстречу грешнику. Поступить правильно проще и выгоднее, чем поступить неправильно, но Дадон выбирает противоположное.

В момент убийства скопца становится ясно, что исход будет трагическим. Петушок клюёт Дадона в голову – в истинный источник всех его бед, в его пустое сознание. Царица исчезает, поскольку она была лишь испытанием, символом страсти, а не самостоятельным персонажем.

Финал содержит удивительно оптимистический подтекст: да-же самому порочному человеку дано всё возможное благо – дар, полученный авансом. Но однажды за этот дар придётся сразиться с собственными желаниями и выбрать не то, что хочется, а то, что является безусловно лучшим. Мир и судьба помогают человеку в этом выборе, но последнее решение остаётся за ним.

Именно к такому выводу приводит внимательное вглядывание в текст этой «странной» сказки: наказание Дадона – это не внешнее возмездие, а результат его собственного выбора. Урок же заключается в необходимости осознать ответственность и отказаться от разрушительных страстей ради спасения.

### Список литературы

1 Ахматова, А. Последняя сказка Пушкина / А. Ахматова // Звезда. – 1933. – № 1. – С. 161–176.

2 Пушкин, А. С. Сказка о золотом петушке [Электронный ресурс] / А. С. Пушкин // Интернет-библиотека. – URL: <https://ilibrary.ru/text/458/r.1/index.htmlсловапетуха/index.html>. (дата обращения: 20.12.2025).

3 Толкования Евангелие от Матфея [Электронный ресурс] / Азбука веры. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Mt.22:30>. (дата обращения: 14.05.2026).

4 Половцов, А. А. Русский биографический словарь. Том 18 [Электронный ресурс] / А. А. Половцов // Азбука веры. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskijslovar-tom-18/246>. (дата обращения: 04.01.2025).

5 Последняя сказка Пушкина (видеозапись) [Электронный ресурс] // YouTube. – URL: <https://youtu.be/5IKIc4tFoQc?si=hjljhDgvJMfzbbTT>. (дата обращения: 18.11.2026).

6 Шемахинское ханство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] / Библиотека «Вехи». – URL: <https://vehi.net/brokgauz/index.html>. (дата обращения: 04.01.2026).

7 Бонди, С. Черновики Пушкина / С. Бонди. – 2-е изд. – Москва : Просвещение, 1978. – 256 с.

8 Василий Великий, свт. творения : В 2 т. / Свт. Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской. – Москва : Сибирская благовонница, 2008–2009. – Т. 1: Догматико-полемические творения ; Экзегетические сочинения ; Беседы. – 2008. – 1135 с.